

Владимир Кантор*

Вступление в эпоху ужаса: русские революции 1917-го года**

Агрессия как фактор человеческой цивилизации

Конец XIX и XX век называют (и справедливо) эпохой войн и революций. В 1900 году в «Трех разговорах» это предсказал Владимир Соловьев. Предсказание исполнилось сполна. Две огромных войны, не считая мелких, но кровавых, а также три русских революции – 1905 года, две в 1917 году, революция в Италии (1922 – Муссолини), революция в Германии (1933 – нацисты и Гитлер). Но гораздо точнее назвать это время эпохой ужаса. Прошли революции, анархизм, коммунизм, большевизм, бывшие псевдонимами разных частей наступившего на мир ужаса, растворились во времени, от них остались воспоминания. Но какой-то закон агрессии по отношению к ближнему под разными названиями пылает как незагасающий подземный костер.

Как отмечал выдающийся австрийский этнолог Конрад Лоренц, «более чем вероятно, что пагубная избыточная агрессивность, которая еще и сейчас сидит у нас людей, в крови, как дурное наследство, является результатом внутривидового развития, действовавшего на наших предков десятки тысяч лет на протяжении всего палеолита. Едва лишь люди продвинулись настолько, что смогли благодаря оружию, одежде и социальной организации в какой-то степени избавиться от угрожавших им внешних опасностей, – голода, холода и нападений крупных хищников, так что эти опасности утратили роль существенных факторов отбора, – тотчас же по-видимому в игру вступил пагубный внутривидовой отбор. Отныне движущим фактором отбора стала война»¹.

Агрессивное прошлое, пришедшее в сегодня из дикости, как ни странно, временами не уменьшалось, но усиливалось. Что же заставляло людей нарушать не только нормы цивилизации, но даже инстинкт? И тут мы должны ввести понятие безумия, о котором писали разные мыслители, из последних – Мишель Фуко. В культуре и философии существуют диалектические пары: Добро и Зло, Свет и

* Доктор философских наук, профессор, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

** Письменная версия доклада, прочитанного в рамках конференции «Россия сто лет после революции: причины и последствия», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (апрель 2017). Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15_03_00581).

¹ Лоренц К. Так называемое зло. М., 2008. С. 124.

Тьма, Мир и Война, Бог и Сатана, Христос и Антихрист и т.д. Думаю, что для интеллектуального прояснения некоторых исторических ситуаций имеет смысл обратить внимание на пару: Разум и Безумие. Обычно безумие рассматривается в контексте бытования человеческой особи. Все знают о безумцах, сидящих в сумасшедших домах. Но история показывает и социальные движения, влекомые безумием. Речь, разумеется, идет о движении масс, ибо разум – это достояние личности.

В конце XVIII века гениальный испанец Гойя создал серию офортов «Капричос», где центральной была картина, изображавшая спящего человека, которого окружают монстры и чудовища, с знаменитой подписью «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ». Разум не раз засыпал в истории, а чудовища выходили наружу и творили бесконечные злодеяния. Гойя оказался провидцем, точнее сказать, мыслителем, видевшим ущербность бытия.

Регуляторы цивилизации ломались под натиском безумия. Этого Лоренц не увидел, хотя войну видел изнутри. Накопление избыточных злых энергий в человеке, не сдерживаемых социальными регуляторами, я бы назвал безумием. Лоренц, правда, фиксирует, что существует особый тип социальной организации, это не сбившаяся вместе «анонимная стая», влекомая поиском спасения, в этой организации идет коллективная борьба одного сообщества против другого. Эта модель может претендовать на роль «зла» как такового. Лоренц имеет в виду крыс, способных соединяться в партии, когда внутри одного вида возникает смертельная вражда. И великий этнолог резюмирует: «Такая социальная организация представляет собой модель, позволяющую наглядно увидеть опасности, угрожающие нам самим»². Безумный зверь тот, кого перестает держать в узде даже сила инстинкта.

Через эпоху варварства и дикости прошли все культуры. Архетипы дикости и варварства, несмотря на попытки религиозных героев вернуть людей в состояние разума, не умирают, они засыпают. Но бывает какой-то внешний толчок, который их пробуждает.

Датчанин Сёрен Кьеркегор писал, что в мире существует *ничто*, не знающее разницы между добром и злом, и оно «порождает страх»³. Angst у Кьеркегора и Angst у Хайдеггера можно перевести как страх, но у Хайдеггера сегодня это слово переводят как *ужас*, и смыслово эти понятия близки, хотя у датского мыслителя Angst – более психологическое понятие⁴, но поскольку это слово связано с библейскими темами, то его можно сблизить и с хайдеггеровским онтологическим понятием. Бердяев, несмотря на свой перевод хайдеггеровского Angst как

² Там же. С. 218.

³ Кьеркегор С. Понятие страха // он же. Страх и трепет. М., 1993. С. 143.

⁴ «У Кьеркегора Angst носит скорее психологический характер, у Хайдеггера (так произносился Хайдеггер до войны русскими мыслителями – В.К.) же космический» (Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // он же. Диалектика божественного и человеческого. М., 2003. С. 390).

страха, почувствовал здесь и нечто другое: «Страх лежит в основе жизни этого мира. [...] Если говорить глубже, по-русски нужно сказать – ужас»⁵.

Хайдеггер задавал вопрос: «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить к самому Ничто?». И сам отвечал на него: «Это может происходить и действительно происходит – хотя достаточно редко, только на мгновения, – в фундаментальном настроении ужаса»⁶. Это чувство стало определяющим в XX столетии. Не случайно Хайдеггер делает это понятие одним из основных в своей философской системе: «Ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хотя ужас это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить. [...] Ужасом приоткрывается Ничто»⁷.

Бытие исчезло, вместо него явилось Ничто, с которым невозможно, немислимо вести тяжбу, невозможно противостоять тому, чего нет, это бессмысленно. Однако Ничто вело смертельную борьбу с людьми, вырезались целые сословия, уничтожались города, деревни, промышленность, нации, прежде всего евреи, родившие Спасителя, а ведь апостол Павел сказал, что в христианстве несть ни эллина, ни иудея, а Иоанн утвердил: «Сын Божий пришел и дал нам свет и разум» (1 Ин. 5; 20). Ибо, как было сказано еще древними, кого Господь хочет погубить, того Он лишает разума. И лишённые разума изничтожали носителей разума под разными предлогами. Чтобы в мире угас свет и воцарился древний ужас.

То, что безумие несет людям несчастье, замечено было давно. Когда Божество готовит человеку несчастье, то прежде всего отнимает у него ум. Из Античности пришла формула: «Кого Бог хочет погубить, того он сначала лишает разума».

Противопоставление людей на разумных и на лишённых разума, характерное для античности, вроде бы в какой-то степени было преодолено в христианстве. Преодолено, но противостояние осталось. Богооткровенная новозаветная религия мерилom всего ставит не просто разум, а христианский разум, святость, которая доступна всем: больным и здоровым, разумным и немудрым. Священное Писание ясно и определенно различает состояние отсутствия (или ослабления) разума как болезнь и безумие как слепое и безрассудное отрицание Бога. Более того, Слово Божие безумие отождествляет с безбожием: «Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога". Развратились они и совершили гнусные преступления; нет делающего добро. Бог с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного. Неужели не вразумятся делающие

⁵ Там же. С. 388.

⁶ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // он же. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 20.

⁷ Там же. С. 21.

беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб, и не призывающие Бога?» (Псал. 52: 2-5).

Такое состояние, в котором живет большинство людей, является по-настоящему трагичным. Известна история, что в 20-30-е годы XX в. на глазах крестьян красноармейцы разоряли церковь, один из них выстрелил в икону и спросил: «ну что, накажет меня ваш бог?!!». Ответ из толпы: «уже наказал...». – «и как?» – «разума лишил!». И тут и возникает крысиная ненависть одной части общества к другой, возникает абсолютное зло.

Любопытно, что Россия, русская культура тоже увидела в безумии опасность для развития человечества. Разумеется, сумасшедшие дома наполняли Европу, об этом много написал Фуко, был знаменитый лондонский Бедлам, но все это не приобретало тот метафизический смысл, какой увидели русские мыслители. В 1847 году в повести *Доктор Крупов* Герцен писал: «Разверните какую хотите историю, везде вас поразит, что вместо действительных интересов всем заправляют мнимые, фантастические интересы; взгляните, из-за чего льется кровь, из-за чего несут крайность, что восхваляют, что порицают, – и вы ясно убедитесь в печальной на первый взгляд истине – и истине полной утешения на второй взгляд, что все это следствие расстройства умственных способностей». Русские мыслители увидели, похоже, самое главное: что именно безумие ломает предохранительные клапаны развития человечества.

Герцена не оставляла эта тема. В одной из своих последних повестей *Aphorismata*, сочинении ученика доктора Крупова прозектора Тита Левиафанского (очевиден намек на Гоббса), он пишет: «Умом и словом человек отличается от всех животных. И так, как безумие есть творчество ума, так вымысел – творчество слова. Одно животное пребывает в бедной правдивости своей и в жалком здравом смысле».

Европа пережила очень много войн. Еще Гераклит писал: «Должно знать, что война общепринята, что вражда есть закон (δίκη), и что все возникает через вражду и взаимообразно» – «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными»⁸. Из войн возникали перевороты и революции, как правило, чем разрушительнее была война, тем разрушительнее следующая революция. Ханна Арендт писала в своей книге *О революции*, что эта связь особенно ясно проявилась в Новое время: «Война и революция до сих пор составляют две центральные темы политической жизни XX века»⁹.

Но до XX века самые кровавые были Английская и по времени к Русской самая близкая Великая Французская революция, напугавшая мыслителей гуманистов, даже Ницше, писавшего: «Безумие в учении о перевороте. Существуют политические и социальные фантазии, которые пламенно и красноречиво призывают к перевороту всего общественного порядка, исходя из веры, что тогда тот-

⁸ Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М., 1989. С. 201- 202.

⁹ Арендт Х. О революции. М., 2011. С. 5.

час же как бы сам собой воздвигнется великолепнейший храм прекрасной человечности. В этой опасной мечте слышен еще отзвук суеверия Руссо, которое верит в чудесную первичную, но как бы *засыпанную* посторонними примесями благость человеческой природы и приписывает всю вину этой непрявленности учреждениям культуры – обществу, государству, воспитанию. К сожалению, из исторического опыта известно, что всякий такой переворот снова воскрешает самые дикие энергии – давно погребенные ужасы и необузданности отдаленнейших эпох; что, следовательно, переворот хотя и может быть источником силы в ослабевшем человечестве, но никогда не бывает гармонизатором, строителем, художником, завершителем человеческой природы. – Не умеренная натура *Вольтера*, склонная к упорядочению, устройению, реформе, а *страстные безумия и полуобманы* (курсив мой. – В.К.) Руссо пробудили оптимистический дух революции. [...] Этим духом надолго был изгнан *дух просвещения и прогрессивного развития*; подумаем – каждый про себя, – можно ли снова вызвать его к жизни!»¹⁰.

Существенна, однако, разница между этими двумя великими революциями. Английская выросла из английской гражданской войны (English Civil War), где движущей силой были пуритане, но именно поэтому, как полагал Гоббс, она исходит из единства церкви и государства: «я определяю церковь как общество людей, – писал он, – исповедующих христианскую религию и объединенных в лице одного суверена, по приказанию которого они обязаны собираться, и без разрешения которого они собираться не должны. [...] Христианское государство и церковь – одно и то же»¹¹.

Европейская история до Русской, повторю это, знала две страшных революции – Английскую (сохранявшей еще веру в Христа, ибо главной антикоролевской силой были пуритане), и абсолютно антиклерикальную (если не сказать антихристианскую) Французскую. Придуманый Робеспьером Храм Разума был скорее актом сумасшедшего, не понимавшего движения истории. Де Токвиль писал: «Одним из первых шагов французской революции была атака на церковь, а из всех порожденных революцией страстей страсть антирелигиозная первой была воспламенена и последней угасла. Уже после того, как иссяк энтузиазм свободы, уже после того, как люди были принуждены покупать свое спокойствие ценой рабского смирения, бунт против религиозных авторитетов еще не успокоился. Наполеон, сумевший победить либеральный гений французской революции, предпринимал напрасные усилия, чтобы укротить ее антихристианский гений»¹². Немецкие философы приветствовали французское древо свободы, хотя не могли отказаться от христианства, ни Кант, ни Гегель, ни тем более великий немецкий романтик Новалис. Напомню слова Новалиса: «Были прекрасные, блестящие

¹⁰ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // он же. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 440.

¹¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // он же. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1991. С. 186.

¹² де Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 13.

времена, когда Европа была христианской землей, когда единый христианский мир заселял эту человечески устроенную часть света; большие нераздельные общественные интересы связывали самые отдаленные провинции этой обширной духовной империи»¹³. Отказ от этих ценностей – прямой ход к идее, что «все позволено», что возможен прогресс, не видящий человека, отказывающийся от христианского разума.

Надо сказать, что тема безумия при возможном переустройстве мира занимала умы немцев и русских, учитывавших опыт Французской революции. Французская революция была поначалу для русских радикалов примером прорыва к свободе. Но это были мечты. Реальность была иной. Об ужасах французской революции в России писал Бунин, а по свежим следам писал о ее кошмарах англичанин Диккенс в *Истории двух городов*. Г.П. Федотов в своем знаменитом рассуждении о свободе отказал Французской революции в праве претендовать на введение этого понятия в европейскую жизнь: «Трудно понять, каким образом Великая французская революция могла считаться колыбелью свободы. Так думают люди, для которых ярлыки и лозунги важнее подлинных исторических явлений. [...] Революция нашла в старом режиме, вместе с устаревшими привилегиями и неоправдываемым уже гражданским неравенством многочисленные островки свободы: самоуправление провинций, независимость суда (парламентов), профессиональные корпорации, университет. Она уничтожила все это»¹⁴. Но еще раньше великий Пушкин увидел во французском порыве явления абсолютного безумия. Он знал, что якобинцы казнили великого химика Лавуазье, философа Кондорсе, отправили на казнь замечательного поэта Андре Шенье, о чем написал великий русский поэт:

А.С. Пушкин
Андрей Шенье

Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

¹³ Novalis (von Hardenberg F.). Die Christenheit oder Europa // idem. Fragmente und Studien: Die Christenheit oder Europa. Stuttgart, 1984. P. 67.

¹⁴ Федотов Г.П. Рождение свободы // он же. Судьба и грехи России. В 2-х тт. Т. 2. СПб., 1992. С. 270-271.

Великий русский ученый Александр Леонидович Чижевский, основоположник гелиобиологии писал: «Иногда разгар борьбы вскрывает всю обширную область человеческого безумия, неуравновешенности и страсти. Стихийные насилия, ожесточение, остервенение, эпилептическое исступление, жажда мщения, эпидемии убийств, паник, погромов, опустошительных набегов, отчаянных битв, массовых истреблений, кровавых бань, а также мятежи, бунтарства, сопряженные с проявлением фанатизма и героизма, достигают своего апогея. Массы и толпы могут ликовать при виде самых ужасных насилий, зверств, убийств. Ими изобретаются мучительнейшие казни. Безумие воплощается в жизнь. То, что считалось невозможным и диким в период минимальной возбудимости, в период максимума вполне может идти рука об руку с *моралью и возвышенностью преследуемых идеалов* (выделено мною. – В.К). Перед этими порывами и проявлениями как масс, так и отдельных индивидов, вследствие необычайного состояния психического возбуждения, должны заглухнуть чувства опасности, самосохранения, даже инстинкт»¹⁵. Как видим, для ученого гелиобиолога безумие побеждало даже инстинкт, в том числе, надо полагать, и инстинкт самосохранения. Единственное, но чрезвычайно важное уточнение, разъяснение, добавление: о безумии может писать только здоровый человек. Безумец безумия не видит, считая свои действия «моральными и возвышенными».

Война

И всегда шли войны: за землю, за орудия, за женщин и т.п. К XX веку мотивы немного изменились, но войны были мерой исторического времени. Как пишут об эпохе начала XX века российские историки: «Нельзя сказать, чтобы об ужасах и последствиях грядущей войны не предупреждали – цепь предостережений, звучавших повсеместно, тянулась с конца XIX в. Правда, одни предрекали разгром Германии, другие – России, третьи писали о гибели европейской цивилизации вообще. Звучали и прогнозы о том, что через несколько десятилетий Россия – наиболее динамично развивающаяся страна Старого света – станет гегемоном европейской цивилизации. Мир заплутал между примордиалистскими страхам и прогрессистскими иллюзиями»¹⁶.

Но понятно, что войны ждали все. Разные причины ожидания, но цель была единая – война. Похоже, что Западу было бы выгодно загасить Россию в период ее подъема. Об этом говорят и западные историки. Хотя при этом важно отметить невероятно выросшую связь русской и западноевропейской духовной культуры: открыта современная русская живопись, слушают Шаляпина, гремят дягилевские сезоны, Толстой и Достоевский становятся интеллектуальными кумира-

¹⁵ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 40.

¹⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 12.

ми Запада. Я специально подчеркиваю выросший интерес Запада к России. Россия Запад всегда чтит.

По словам французского историка Элен Каррер д'Анкос, «Россия, казалось, выиграла свое историческое пари, которое столько раз проигрывала и столько раз начинала заново: положить конец отставанию, найти свое место в Европе, вновь встать на тот путь развития, которым следовали европейские страны»¹⁷. В силу в том числе и этих причин, по словам русских историков. Это казалось невероятным, почти иррациональным. Запад, несмотря на петровские реформы, победу над шведами, спасение Европы от Наполеона, продолжал считать Россию вторичной страной. Ее подъем выглядел в глазах западноевропейцев событием из мира иррационального, они отключили разум, не желая смотреть и видеть, двигало чувство неприязни, инстинкта.

Но там, где разум спит, а работают чувства, происходят удивительные и катастрофические явления. Стоит вспомнить гениальный офорт Гойи: «Сон разума рождает чудовищ». Какие же чудовища родились? Какие чувства обуревали публику, причем не только интеллигенцию, на которую все готовы валить неудачи русской истории? Можно сказать, что мир стал больше руководствоваться не разумом, а чувствами, не расчетом, а инстинктом, и явилось чудовище – явился человек массы и начал играть решающую роль. Тексты Лебона, Канеттти, Фрейда, Ленина и Гитлера – мощный показатель смены духовной парадигмы исторического развития. Маркс написал страшную формулу, что идея должна овладеть массами (каковы эти массы уже никого не интересовало). Поначалу в России, да и на Западе массы ринулись на войну как на праздник. Но войны ждали и революционеры.

В России ожидания солдатских масс имели вроде бы основания. Стоит акцентировать известную мысль, что Российская империя проиграла войну не потому, что ее армия потерпела поражение, а потому, что обрушился ее внутренний фронт. Черчилль писал даже, что Россия рухнула, держа победу в руках. По словам Доменика Ливена, «можно сказать, что революция была не следствием военных неудач, а скорее результатом экономических тягот военного времени. Но основной ее причиной оказалась полная утрата доверия царскому режиму среди большинства российских элит и российских городских масс»¹⁸.

Но был своего рода все растопляющий Гольфстрим – революционеры и политики, которые ждали, что война рано или поздно создаст революционную ситуацию. Ленин, потерявший свою энергию, когда реформы Столыпина приобретали все большую мощь, решивший, что теперь революция станет невозможной. Но, как только началась война, он ожил: «В 1905 году Ленин с завидной проницательностью понял, что неудачная война может вызвать революцию. Затянувшаяся Первая мировая война дала ему другой источник воодушевления, весьма чуждый марксизму. Ленин почувствовал, что игра на национальных амбициях может

¹⁷ Каррер д'Анкос Э. Незавершенная Россия. М., 2005. С. 161.

¹⁸ Ливен Д. Российская империя и ее враги. М., 2007. С 451-452.

стать лучшим орудием всеобщей победы пролетариата»¹⁹. Возникла гениально-провокационная идея сделать так, чтобы война превратилась в революцию. Член Государственного совета, руководитель МИДа, родственник Столыпина, Сазонов пытался вести политику осторожную, но был смещен абсолютным фаворитом императора Штювермером. Позднее, Сазонов вспоминал: «Революция, уже раз в 1906 году сломленная Столыпиным, увидела наступавшую для нее смертельную опасность и рукой Богрова свалила этого благороднейшего сына России. Принято говорить, что нет людей незаменимых. Но Столыпина у нас никто не заменил, и революция, среди тяжелой нравственной и материальной атмосферы войны, восторжествовала. Пока я пишу эти строки, передо мной живо встает величавый в своей силе и простоте образ Столыпина, и мне припоминаются неоднократно слышанные от него слова: "Для успеха русской революции необходима война. Без нее она бессильна". В 1914 году мы получили эту войну, а после трех лет тяжелой борьбы, которую нам пришлось вести одиноким и отрезанным от общения с нашими союзниками, к нам прибыла из Германии и революция в лице Ленина и его сообщников, отдавшая себя на служение нашим врагам и радостно принятая ими, как желанная сотрудница»²⁰.

Из войн, как привило, происходят революции: чем разрушительнее война, тем разрушительнее следующая революция. Вспоминая начало войны, Троцкий приводит свой разговор с австрийским социалистом Фридрихом Адлером: «На улице сейчас выходят все неуравновешенные, все сумасшедшие, это их время. Убийство Жореса – только начало. Война открывает простор всем инстинктам, всем видам безумия»²¹. В 1916 г. сам Адлер выступил как террорист, убив министра. Как писал Марк Алданов: «На трудном пути революции одни заблуждались меньше, другие больше. [...] Но и без тысячи ошибок над всеми неумолимо висел и висит рок великой войны»²².

Признаки революции

Как же случилась революция? Война очевидно не проиграна. Голода в столице нет. Но толпы дезертиров и оборванцев бродят по столице, порядка на улицах нет. Женщины вышли на улицы, задержка с хлебом. От этих немного странных требований (еда была) исходит ощущение зомбированности. Народ вдруг вспомнил 9 января, когда царь отдал приказ стрелять в народ, шедший к нему с хоругвями. Сегодня можно читать, что Николай-де не знал о готовящемся расстреле народного шествия, но достаточно открыть его дневник, чтобы увидеть, как в

¹⁹ Каррер д'Анкос Э. Ленин. М., 2002. С. 140.

²⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 284-285.

²¹ Троцкий Л. Моя жизнь: опыт автобиографии. Иркутск, 1991. С. 230.

²² Алданов М. Армагеддон. М., 2006. С. 111.

записи 8 января он показывает полную осведомленность: «Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский (министр внутренних дел. – В.К.) приезжал вечером для доклада о принятых мерах»²³. Речь же шла о том, чтобы по приказу царя объявить Петербург на осадном положении, тем самым давая возможность для применения военной силы против пока еще мирных подданных. Уваровская формула дала самую серьезную трещину. Православный народ был расстрелян самодержцем, или, следуя другой формуле – Достоевского («царь – отец, мы, народ, – его дети»), – было совершено публичное детоубийство, побессмысленнее даже, чем Тарасом Бульбой.

Иными словами, перестала работать не только имперская наднациональная идея, но и национальная, точнее, националистическая идея показала свою недееспособность. С.Н. Булгаков писал об этом так: «Агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным самоубийством самодержавия. [...] Раньше могло казаться, что революцию сделали революционеры. [...] К несчастью, революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия. [...] Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие, Царя, как мистическую, священную Государственную власть, и я обречен был видеть, как эта теократия *не удалась* в русской истории. [...] Неудача самодержавия в лице Николая II была настолько велика, непоправима, что она обрекала того, кто мог и хотел любить только самодержавие, понятое как государственная вселенская идея, на ежечасное умирание»²⁴. А потом, после того, как началась по выражению народа «германская война», националистический шабаш еще больше усилился. Начались, как и позднее, во времена «космополитизма», переименования.

Втравив Россию в войну с Германией, самодержавие произвело ревизию петровского наследия. Причем отрицание несло весьма глубокую символическую нагрузку. Произошло «бездарное и безвкусное переименование Петербурга Петра и Пушкина в Шишковско-националистический Петроград»²⁵, – как написал воевавший на германском фронте русский философ Федор Степун. По этому поводу раздались восторги поэтов (например, С. Городецкого) – вполне казенные, ибо не понимавшие глубинного смысла происходящего (т.е. уничтожения Петровской идеи) и пр., были выдуманы «богатырки», ставшие потом «буденновками».

Японская война, революция 1905 года, Первая мировая война, в которую втолкнул начинавшую набирать силы Россию последний царь, – все это будило худшие инстинкты людей. Не только появилась, но стала побеждать *масса*, о которой так много писали потом философы от Бердяева до Ортеги-и-Гассета и Ка-

²³ Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 246. А на следующий день он записывал о результатах своего приказа: «В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненных. Господи, как больно и тяжело!» (Там же).

²⁴ Булгаков С.Н. Пять лет (1917-1922) // он же. Тихие думы. М., 1996. С. 332.

²⁵ Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 5.

нетти. Напомню наблюдение Бердяева: «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры»²⁶. Это был не только кризис империи, это был очевидный кризис христианства, которое только и может быть наднациональным (не случайны ведь были мечты Вл. Соловьева о всемирной теократии во всемирной империи). Это была катастрофа как немецкого, так и русского сознания. Ученик Соловьева Степун в своих записках с фронта резок и определен: «Нельзя же быть христианами и во имя Христа убивать христиан. Исповедовать, что "в доме Отца моего обителей много", и взаимно теснить друг друга огнем и мечом»²⁷. Но, по словам Эрна, «время славянофильствовало»²⁸, результат этого славянофильского воздействия на жизнь не заставил себя ждать, приведя к падению Российской империи.

Россия эти последние дни жила так, как будто никакого царя уже не было. Как пишет В. Булдаков, общество всегда охотно осуждает убийц, оплакивает их жертв, но суеверно шарахается от анализа поступков самоубийц. Поведение последних пугает куда больше, ибо за ним кроется генетически обусловленная суицидальность человека. Революцию можно рассматривать как массово-историческое проявление этой склонности. Примерно об этом же пишет и французская исследовательница: «Февральская революция началась в Петрограде – так был переименован Санкт-Петербург в начале войны, чтобы изгнать немецкий привкус из его названия – и длилась шесть дней, которых хватило, чтобы уничтожить монархию. Эта революция, такая быстрая и легкая, вызывает много вопросов, как смог пролетариат сам по себе, без руководителей, одержать победу в прекрасно защищенной столице? Как революция смогла немедленно распространиться по всей огромной стране? Как могла так быстро исчезнуть монархия, в то время как политики все еще спорили о путях ее трансформации?»²⁹.

Почему же всего шесть дней? Невероятно. Но объяснимо. Царская власть оказалась абсолютно слепой, царь был занят семейными делами, корью детей, игрой в гольф, и игрой в Главнокомандующего. Поэтому все сообщения о недовольстве в Петрограде не слышал, полагаясь на Петроградский гарнизон. Гораздо сложнее понять, что и революционеры не принимали участие в возмущении. Да что революционеры – даже радикалы проглядели начало грандиозного поворота. Если бы Николай II, по словам российских современных историков, нашел в себе мужество пойти против придворной верхушки и решительно заявить о грядущих политических реформах, то чисто теоретически в России сложилась бы совершен-

²⁶ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С. 230.

²⁷ Степун. Из писем прапорщика-артиллериста. С. 70.

²⁸ «Мое главное положение: *время славянофильствует*, означает прежде всего, что славянофильствует *время*, а не писатели, славянофильствует сама внезапно заговорившая жизнь, а не "серая теория" каких-нибудь отвлеченных построений и рассуждений. [...] Своим положением я хочу сказать, что каково бы ни было массовое сознание образованных русских людей, мы фактически вступаем в славянофильский эон нашей истории; он же самым тесным образом связан с судьбами всего мира» (Эрн В.Ф. *Время славянофильствует // он же*. Сочинения. М., 1991. С. 371).

²⁹ Каррер д'Анкос. Ленин. С. 143.

но иная ситуация. У нас в стране от главы государства, как бы он ни назывался, всегда зависит очень многое. Другое дело, что Николай II не был на это способен – он со своей женой не мог разобраться, не говоря уже обо всей империи. Но он, не обладавший ни волей, ни инстинктом власти, стал лишней фигурой для правящей верхушки

Солженицын писал: «Десятилетиями наши революционные партии готовили только революцию и революцию. Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлетом патриотизма в 1914 году, – они к 1917 оказались ни в чем не готовы и почти не сыграли роли даже в подготовке революционного настроения (только будоражили забастовки) – это все сделали не социалистические лозунги, а Государственная Дума, это ее речи перевозбудили общество и подготовили к революции. А явилась революция как стихийное движение запасных батальонов, где и не было регулярных тайных солдатских организаций. В совершении революции ни одна из революционных партий не проявила себя, и ни единый революционер не был ранен или оцарапан в уличных боях – но с тем большей энергией они кинулись захватывать добычу, власть в первые же сутки и вгонять совершившееся в свою идеологию. Чхеидзе, Скобелев и Керенский возглавили Совет не как лидеры своих партий (они были даже случайны в них), но как левые депутаты Думы. Так революция началась без революционеров»³⁰.

Церковь тоже словно наслушалась толстовских проповедей, перестала окормлять самодержца³¹. Политики были в полной растерянности, срочно придумали Временное правительство, у которого даже малейших планов не было на дальнейшее движение страны. Прав, видимо, Булдаков: «Государственный переворот в России привел не к утверждению демократического порядка, а к эскалации "красной смуты". Благими намерениями оказалась вымощена дорога в ад гражданской войны. Одно это дает основание отводить Февралю центральное место в событиях 1917 г.»³². Антихрист пока мелькал на заднем плане. Ленина еще никто всерьез не принимал, поскольку та степень нечеловеческой жестокости, которую он ввел как норму политической жизни, еще не наступила. Русь развалилась и без его прямого участия, если не считать действительными идеологические флюиды.

Гениально политически и художественно ярко нарисовал эту ситуацию В. Розанов. Как замечал Чаадаев по поводу истории Карамзина: «Живописность его

³⁰ Солженицын А.И. Размышления над февральской революцией: черты двух революций. М., 2016. С. 9-10.

³¹ «Скажем, в марте 1917 г. русская православная церковь практически *in corpore* отступилась от своего формального главы – императора Николая II, но об этом сегодня не вспоминают. В наше время РПЦ канонизировала его в качестве страстотерпца, как результат, возникло представление, что самодержавие и православие жили душа в душу. Весьма сложными были отношения с официальной церковью у интеллигенции. Сегодня не вспоминают и об этом» (Булдаков В.П. Историк и миф: перверсии современного исторического воображения // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 61).

³² Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 55.

пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать»³³. Эта живописность в высшей степени была свойственна Розанову. Стоит привести его знаменитые слова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже "Новое Время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая "Великого переселения народов". Там была – эпоха, "два или три века". Здесь – три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? [...]. Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 "и такой серьезный", Новгородской губернии, выразился: "Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть". Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой»³⁴. И далее: «Что такое совершилось для падения Царства? Буквально, – оно пало в буддень. Шла какая-то "среда", ничем не отличаясь от других. Ни – воскресенья, ни – субботы, ни хотя бы мусульманской пятницы. Буквально, Бог плюнул и задул свечку»³⁵.

Что же могло произойти дальше? И что произошло?

Стоит напомнить описание Гоббсом догосударственного состояния: «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно войной всех против всех. Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения»³⁶. Иными словами, общественное состояние, когда жизнь человека в опасности, для него война, которая и есть первый признак естественного состояния. Гоббс точно описывает то, что переживала Россия. Все, что характерно для времени войны, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда, и потому нет земледелия, судоходства, морской торговли, удобных зданий, нет средств движения и передвижения вещей, требующих большой силы, нет знания земной поверхности, исчисления времени, ремесла, литературы, нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна. Действительно, после невероятного экономического взрыва, когда Александр Блок увидел в России новую Америку, шайки бродяг, бездельников, дезертиров с оружием могли вызвать только ужас. Как вспоминал великий социолог Питирим Сорокин: «Обычный порядок

³³ Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу. 1838 // он же. Сочинения. М., 1989. С. 411-412.

³⁴ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 6-7.

³⁵ Там же. С. 10.

³⁶ Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 95.

жизни сломан. Магазины и учреждения закрыты. В университете вместо лекций идут политические митинги. На пороге моей страны стоит Революция. ...Полиция пребывает в бездействии и нерешительности. Даже казаки отказываются разгонять толпу. Это означает, что правительство беспомощно и его аппарат сломлен. Бунтовщики начали убивать полицейских. ...Конец близок... или это только начало?»³⁷

Созданный сразу в начале марта новый Государственный гимн невольно проговорился, что это не гимн государства, а гимн пугачевской вольницы:

Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!

Стихия считает, что несет в себе истину мира, но она – стихия, т.е. находится вне разума. И ответ Бунина: «"Революция – стихия..." Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются»³⁸.

Отречение как предательство

Историческое вырождение монархической системы правления, выразившееся в *бессилии* императора остановить народное возмущение, в *отречении* в самый критический для России момент правящей династии от трона, что лишило страну во время войны единственной – легитимной – на тот период власти и основы государства. Это отречение было равно предательству страны. Трудно не согласиться с Солженицыным: «Всякий народ вправе ожидать от своего правительства *силы* – а иначе зачем и правительство?»³⁹. Надо при этом понять, что самого царя предала политическая верхушка и, что было для него страшнее, от него потребовала отречение верхушка армии. Все боевые генералы.

Гоббс, переживший страшные революционные потрясения, писал: «Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же

³⁷ Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М., 1992. С. 72.

³⁸ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 108.

³⁹ Солженицын. Размышления над февральской революцией. С. 18.

образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. Ибо благодаря полномочиям, отданным ему каждым отдельным человеком в государстве, указанный человек или собрание лиц пользуется такой огромной сосредоточенной в нем силой и властью, что внушаемый этой силой и властью страх делает этого человека или это собрание лиц способным направлять волю всех людей к внутреннему миру и к взаимной помощи против внешних врагов. В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство *есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»*⁴⁰. Но беда была в том, что от прошлого, всякого цивилизованного хотели скорей избавиться.

Заискивание всех пришедших в феврале к власти *партий перед народом*. Это привело, во-первых, к развалу армии (издан приказ № 1 о разрешении смещать и назначать командиров выборным путем, что неминуемо вело к превращению армии в разбойничью вольницу). Во-вторых, постоянные призывы отбирать у помещиков землю, не дожидаясь правовых решений, т.е. методами насилия, что развращало народ, лишая его всякого уважения к закону. В-третьих, упразднение органов правопорядка (уже в марте была распущена полиция, что должно было символизировать победу над «царскими сатрапами и насильниками», а на деле означало разрешение на грабежи и разбой всем темным элементам).

Были громкие поэтические и политические слова. Но на самом деле это была констатация совершившегося грандиозного предательства, разрушившего великую страну. 17 апреля 1917 г. в *Поэтохронике революции* Маяковский писал:

На крыльях флагов
стоглавой лавою
из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.

Понятна тоска Бунина: «Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, этого дома, – сколько откроется темного, греховного,

⁴⁰ Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 133.

неправедного, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало. [...]. Так врасплох, совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом. И что же открылось? Истинно диву надо даваться, какие пустяки открылись! А ведь захватили этот дом как раз при том строе, из которого сделали истинно мировой жупел. Что открыли? Изумительно: ровно ничего!»⁴¹. А ведь скорость падения царского дома была невероятна – от трех до шести дней.

Всего шесть дней. Фантастика! Но объяснимо. Царская власть оказалась, как уже было сказано, абсолютно слепой. Меньше всего царь думал о государстве. Его одно время прикрывал великий реформатор Столыпин, но царь его сдал, сняв охрану. Столыпина застреляли. Царь не ощущал той ответственности, которую Гоббс считал важнейшей для государя.

Очень точен анализ этих дней у американского историка: «Ничто лучше не иллюстрирует отстраненность правительства от реальности, чем решение царя в этот напряженнейший и сложнейший момент отправиться в Могилев. Он намеревался провести там неделю для совещаний с генералом Алексеевым, только что возвратившимся в Ставку после лечения в Крыму. У Протопопова это решение не вызвало никаких сомнений. Вечером 21 февраля он уверял государя, что беспокоиться не о чем и он может ехать со спокойным сердцем в уверенности, что тыл в надежных руках. К вечеру следующего дня царь уехал. А две недели спустя он уже вернулся как частное лицо – «Николай Романов», и под конвоем. Безопасность столицы была вверена весьма некомпетентным людям: военному министру генералу М.А. Беляеву, поднявшемуся на эту высоту по ступенькам военной бюрократической лестницы и получившему среди коллег прозвище «мертвая голова», и командующему округом генералу Хабалову, профессиональный опыт которого не выходил за рамки канцелярий и военных академий»⁴². А в процессе передвижения поезда на царя давили члены государственной думы и генералитет. Никто не хотел свержения царской власти. Все хотели нового царя. Но коней на переправе не перепрягают – формула старая. Я бы сказал, наступало всеобщее безумие.

⁴¹ Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 137.

⁴² Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М., 1994. С. 306.

Наступление катастрофы

Царь был в растерянности. Конечно, он не был стерт этими людьми, произошло своеобразное самостирание. На его примере очевиден феномен вырождения великой династии. Можно ли хоть на минуту вообразить Петра Великого, который прислушивался бы к трусливым напештываниям бояр и верил страхам своих генералов! Он нашел бы на них управу, и это очевидно. А здесь семьянин оказался сильнее государя. Под давлением Думы и генералов, он полагал, что, отрекаясь, спасает семью. Отрекаясь в пользу сына, царевича Алексея, в последний момент он испугался за больного сына и отрекся в пользу младшего брата Михаила. В результате погибла не только империя, но и семья царя. Как не раз отмечали историки, было три бредовых пункта в этой передаче власти, поддержанной ошалевшей от вседозволенности либеральной Думой. Скажем, Милюков почти каждый день выступал и обвинял царицу, опираясь на западную прессу, повторяя одну и ту же формулу: «что это – глупость или измена?».

1. Не был спрошен Михаил, хочет ли он принять на себя тяжесть царства. Ему Николай отдал трон и царские атрибуты как мальчишка в песочнице, наигравшись, передает лопатку, совочек и формочки приятелю. А Михаил и вправду не хотел.

2. Император не имел государственного права на отречение в час великой военной опасности для страны. Как его предали генералы и думские депутаты, так он предал Россию. Генералы спохватились, началось белое движение, но было поздно, предательство уже состоялось.

3. И, наконец, как верующий христианин, а мемуары об этом свидетельствуют, он должен был понимать, что помазанник Божий может уйти с поста только в результате смерти.

Я уже упоминал о склонности к суициду людей в моменты массовых волнений. Но ужас был в том, что избрав толстовский путь непротivления, «династия покончила с собой, чтобы не вызвать кровопролития или, упаси Бог, гражданской войны. [...] И вызвала – худшую, дольшую, но уже без собирающего тронного знамени»⁴³. Безумие масс оказалось страшнее безумия тех сумасшедших творцов, о которых писал Чезаре Ломброзо, поскольку безумие масс лишено творческого начала, оно несет только разрушительное начало. Увы, матрица человеческого развития держит основу людского бытия, меняя только внешнюю форму.

Еще не произошло отречение царя, но его враги (не трусливые болтливые думцы, создававшие атмосферу психоза, а левые радикалы, которых никто не принимал всерьез) уже составили 1 марта и опубликовали приказ № 1, позволявший рядовым справляться с офицерами, в результате армия практически перестала существовать. Был наскоро и безвыборно организован радикалами Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, не подчинявшийся ни

⁴³ Солженицын. Размышления над февральской революцией. С. 20.

царю, ни Думе. Этот совет и стал внешним автором приказа, хотя были и реальные авторы, находившиеся вне страны. Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан... Произведенное военными властями расследование «не обнаружило» авторов его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии отвергли участие свое личное и членов комитета в редактировании приказа. Наиболее искренним был Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор *Новой Жизни*. Он говорил французскому писателю Claude Anet: «Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство»⁴⁴.

Историк русского Зарубежья Г.М. Катков писал: «Приказ так и не поставили на голосование, и Исполнительный Комитет как таковой ничего о нем не знал, пока его не опубликовали, хотя этот Документ и появился за коллективной подписью. Сам Приказ опровергает предположение, что напечатанный текст тождествен коллективному черновику, о котором пишет Суханов. Напечатанный текст краток и строго придерживается сути дела, за исключением одной неуклюжей фразы, отражавшей, очевидно, разногласия авторов. Ни Соколов, ни солдаты не могли бы удержаться от неумеренности, типичной для революционного опьянения тех первых дней. Напечатанный же документ сух и сдержан, четкостью стиля напоминает Ленина. По имеющимся сведениям, в тот промежуток времени, который отделял составление Приказа в комнате № 13 Таврического дворца от его опубликования (той же ночью), оригинал несколько часов находился в типографии "Известий". Более тщательно рассмотрение истории этого документа может служить ключом к уяснению его происхождения. 27 февраля первый подумал о выпуске революционного воззвания Владимир Бонч-Бруевич»⁴⁵.

Иными словами, скорее всего это могла быть работа если не самого Ленина, то его группы, работавшей в его стиле. На что он мог рассчитывать? На то, что молодежь, новое поколение быстро забывает прошлое и готово принять любую неожиданную новацию, которая ведет к перевороту существующего порядка мира.

Знаменитая прокламация «Молодой России», составленная радикалами 60-х годов XIX века, призывала к истреблению дома Романовых и всех высших сановников. Но беспощадный враг императора (с момента казни старшего брата) объявил царю дуэль без правил, повторяя идеи «Молодой России». Вот несколько высказываний: «Полоумному Николаю II отрубить голову!»; «... надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых» (8 декабря 1911 г.); «в других

⁴⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2003. С. 172.

⁴⁵ Катков Г. Февральская революция. М., 2006. С. 392-394.

странах... нет таких полоумных, как Николай» (14 мая 1917 г.); «слабоумный Николай Романов» (22 мая 1917 г.); «идиот Романов» (12 марта, 13 и 29 апреля 1918 г.); «изверг-идиот Романов» (22 мая 1918 г.)⁴⁶ и т.д., и т.п.

Как вспоминал мыслитель Федор Степун, современник происходившего: «Вглядываясь в революции 20-го века, нельзя не видеть, что свойственный им дух утопического активизма связан с молодостью их вождей. Требование русских бунтарей – Бакунина, Нечаева и Ткачева – "долой стариков" бесспорно сыграло в новейшей истории весьма значительную роль. Для большевистского бунта, как и для фашистских переворотов в Италии и Германии характерна, впрочем, не только та роль, которую в них играла молодежь, но и сознание этой молодежи своей революционной роли в истории. Причин, объясняющих этот факт, много и большинство из них налицо. Мне хочется выделить из них лишь одну, быть может, самую глубокую. Я думаю, что молодость особо утопична потому, что она живет с закрытыми на смерть глазами. В так называемые "лучшие" годы нашей жизни смерть представляется нам бледною, безликою тенью на дальнем горизонте жизни, к тому же еще и тенью поджидающей наших отцов и дедов, но не нас самих. Этим чувством здешней бессмертности и объясняется прежде всего революционный титанизм молодости, ее жажда власти и славы, ее твердая вера в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему – одним словом все то, что характерно для вождей, диктаторов, героев-революционеров, чувствующих себя не смертными человеками, а бессмертными полубогами»⁴⁷.

Поэт-футурист Хлебников так выразил свое понимание движения мироздания: «Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти»⁴⁸. Разумеется, сам поэт не причастен к творившемуся тогда злу. Он просто выразил господствовавшее во взбаламученной стране умонастроение. А оно было вполне антиисторическим и антихристианским. Для сравнения: Христос слышал неслышимый другими голос своего Отца и повиновался ему. Хлебников задает себе и своим словам уровень абсолютного нигилизма по отношению к культуре: «Мы верим в себя, – пишет он в *Трубе марсиан* (1916 г.), – и с негодованием отталкиваем порочный шепот людей прошлого, мечтающих уклонить нас в пядь. Ведь мы босы. [...] Но мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому»⁴⁹ (разрядка В. Хлебникова. – В. К.). Здесь очевидна внутренняя рифмовка с «ахиллесовой пятой» («уклонить в пядь»), иными словами, будетляне выглядят почти гомеровскими героями. И далее он восклицает: «Старшие! Вы

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958-1965. Т. 21. С. 17; Т. 32. С. 97, 186; Т. 36. С. 85, 215, 269, 362. Члены партии Ленина в ночь на 12 июня 1918 г. расстреляли первого Романова; в ночь на 17 июля 1918 г. расстреляли семь Романовых, в ночь на 18 июля того же года сбросили умирать в шахту и расстреляли шесть Романовых, ночью 24 января 1919 г. расстреляли пять Романовых.

⁴⁷ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 292-293.

⁴⁸ Хлебников В. Собрание сочинений. В 6 тт. М., 2004. Т. 5. С. 186.

⁴⁹ Хлебников В. Труба марсиан // он же. Собрание сочинений. В 6 тт. М., 2005. Т. 6. Кн. 1. С. 246.

задерживаете бег человечества и мешаете клокочущему паровозу юности взять лежащую на ее пути гору. Мы сорвали печати и убедились, что груз – могильные плиты для юности»⁵⁰. Можно сказать, что в этих словах звучит неплохо усвоенный Ницше⁵¹, провозгласивший в своем «Заратустре» приход человека будущего – сверхчеловека. Но, как и многие другие последователи немецкого мыслителя, русский поэт задается *практическим* вопросом, пытается понять, «как освободиться от засилья людей прошлого»⁵² (это тоже цитата из «Трубы марсиан»). На этот вопрос с успехом ответили и большевики, и нацисты. Конечно, это абсолютно революционный, а не эволюционно-творческий путь. «Борьба с отцами и дедами относится, по существу, к революционной психологии»⁵³, – писал Федор Степун, рассказывая, как большевики расправлялись с прямыми своими предшественниками.

А что же происходило в искусстве в этот момент? Была замечательная формула в первом манифесте футуристов, «будетлян», – «бросить Пушкина, Толстого, Достоевского с парохода современности». Не сбросить, а именно бросить. Как хлам, как ненужную вещь. Манифест назывался «Пощечина общественному вкусу».

Питирим Сорокин видит у новых революционеров, лидеров толпы, не только вражду к буржуазии и самодержавию, но ненависть к старым революционерам, которые пролагали путь (вроде Герцена, который своим «Колоколом» будил живых, но разбудил нежить) безумцам, считавшими себя обладателями истины, последнего слова науки, а потому готовыми на любое преступление. «По отношению к таким страдальцам за дело революции, как Брешковская и Чайковский, раздавались эпитеты "предатели" и "контрреволюционеры". Вскочил Савинков и закричал: "Да кто вы такие, чтобы обращаться к нам подобным образом?! Что вы, бездельники, сделали для революции? Ничего. А эти люди, – указал он на нас, – сидели в тюрьмах, голодали и мерзли в Сибири, не раз рисковали жизнью. Это я, а не кто-нибудь из вас, бросил бомбу в царского министра. Это я, а не вы, выслушал смертный приговор от царского правительства. Да как вы смеете обвинять меня в контрреволюции? Кто вы после этого? Толпа глупцов и бездельников, замысливших разрушить Россию, уничтожить революцию и самих себя!"

Эта вспышка повлияла на толпу. Но, очевидно, все великие революционеры сталкиваются с такой трагической ситуацией. Труды и жертвы их забываются. Их считают реакционными или, как минимум, несовременными.

- Думали ли вы когда-нибудь о себе как о реакционном контрреволюционере? – спросил я Плеханова.

⁵⁰ Там же. С. 251.

⁵¹ Стоит сравнить: «Живут слишком многие, и слишком долго висят они на своих сучьях. Пусть же придет буря и стряхнет с дерева все гнилое и червивое!» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра // он же. Сочинения. В 2 тт. М., 1990. Т. 2. С. 52.

⁵² Хлебников. Труба марсиан. С. 251.

⁵³ Степун Ф. А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // он же. Сочинения. М., 2000. С. 623.

- Если эти маньяки – революционеры, то я горжусь, что меня называют реакционером, – ответил основатель партии социал-демократов.

- Берегитесь, господин Плеханов, – сказал я, – в конце концов вас арестуют, как только эти люди, ваши же ученики, станут диктаторами.

- Эти люди стали даже большими реакционерами, чем царское правительство, так что чего еще мне ждать, кроме ареста? – с горечью ответил он⁵⁴.

Победила, однако, языческая и нигилистическая «карамазовщина». Большевики *вполне по-карамазовски* строили свою деятельность на отрицании, на уничтожении «отцов», звавших к цивилизации страны. Скажем, был отвергнут Лениным еще в начале века даже «отец русского марксизма» Г.В. Плеханов, по воспоминаниям всех очевидцев подлинный «русский европеец». А после победы Октябрьской революции Плеханов был подвергнут таким унижениям, которые оказались равнозначны убийству. 21 мая 1918 г. Зинаида Гиппиус заносит в свой дневник: «...Умер Плеханов. Его съела родина... Он умирал в Финляндии. Звал друзей, чтобы проститься, но их большевики не пропустили. После Октября, когда "революционные" банды 15 раз (sic!) вламывались к нему, обыскивали, стаскивали с постели, издеваясь и глумясь, – после этого ужаса, внешнего и внутреннего, – он уже не поднимал головы с подушки. У него тогда же пошла кровь горлом, его увезли в больницу, потом в Финляндию... Его убили те, кому он, в меру силы, служил сорок лет»⁵⁵.

Что можно противопоставить этому безумию? Лекарству этому уже по меньшей мере две тысячи лет. Вспомним слова апостола Павла: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1 Кор. 3, 19). Иными словами, революционеры, делавшие революцию, заставлявшие отречься царя, разваливавшие армию и государство, полагали, что они строят «мир сей», но такое строительство есть безумие перед Богом. Спокойно констатирует Степун: «Как безвыходна была бы история человечества, если бы она почти 2000 лет тому назад не осветилась бы светом христианства. Отменив богооткровенную истину все "только" человеческие мудрствования и навеки победив тишайшею тайною Вифлеемской ночи все титанические замыслы безбожного самоуправства, христианство призвало всех нас, юных и старых, здоровых и больных, богатых талантами и нищих духом к столь великому преображению мира, перед которым распадаются в прах самые смелые мечты о революционном переустройстве человеческой жизни. Не потерять даже и в наши дни веры, что всех борющихся между собою "героев" в конце концов победит Бог не так трудно, как оно на первый взгляд кажется. Чтобы не соблазниться всемогуществом зла, надо лишь понять, что истина побеждает и там, где отрицающая ее ложь, пытаясь на свой лад строить нашу жизнь, изо дня в день только разрушает ее»⁵⁶.

⁵⁴ Сорокин. Дальняя дорога. С. 91.

⁵⁵ Гиппиус З.Н. Современная запись. 1914-1919 гг. // Мережковский Дмитрий. Больная Россия. Л., 1991. С. 230-231.

⁵⁶ Степун. Бывшее и несбывшееся. С. 292-293.

Самое главное отречение от прошлого – есть отречение от христианства. Это прозвучало даже в стихах великого поэта Блока:

А вон и долгополый
Сторонкой за сугроб
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

«Клячу истории загоним!» – писал Маяковский. Пришла война, в искусстве возник модерн, который, по выражению Маяковского, писал войной. Потом постмодерн, но к нормальному христианскому разуму так и не вернулись. «Можно не писать о войне, но *надо* писать *войною!*», – утверждал Маяковский в 1914 в статье «Штатская шрапнель». Это безумие, которое уже не знало границ.

В сомнамбулическом бреде массы совершают губительные для себя и страны поступки. Потом появляется реальный безумец, который ведет всех к своей безумной цели, навевая им «сон золотой». К правде святой не дошли, так теперь следуют за безумцем. С легкой руки Горького в пьесе *На дне* (1902) устами актера, процитировавшего этот стих Беранже, эти строчки в каком-то смысле определили умственное состояние эпохи.

Безумцы

Беранже/Куручкин

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

К правде святой дороги не нашли, но появился безумец, который навевал сон золотой, назвав его научной истиной по Марксу. Наука ведь истина мира сего. И толпа пошла за ним. «По целому ряду сложных причин заболевшая революцией Россия действительно часто поминала в бреде Маркса; но когда люди, мнящие

себя врачами, бессильно суется у постели больного, выдают бред своего пациента за последнее слово науки, то становится как-то и смешно, и страшно»⁵⁷.

Ленин полагал, что учение Маркса всесильно, а потому рассчитано на века. Более того, с победой марксизма история мира сего завершится. А потом наступит царство свободы, когда времени не будет. Но время есть, пока есть Бог, история длится. Очевидно прав Василий Розанов: «Евангелие бессрочно. А все другое срочно – вот в чем дело»⁵⁸.

Но бред о конце истории был, и имя Маркса наполнилось невиданными энергиями. Социалистическое дело – разумно, считает Степун, а здесь, в России, произошло противное разуму: «Вся острота революционного безумия связана с тем, что в революционные эпохи сходит с ума сам разум»⁵⁹. И Ленин не был ученым, каким безусловно был Маркс, Ленин «был характерно русским *изувером науковерия*»⁶⁰.

Главный безумец или конец иллюзий

«Мы не сделали скандала, нам вождя не доставало, настоящих буйных мало, вот и нету вожаков», – слова Высоцкого надо бы выбить на плите, посвященной Октябрю. Массы безумны, и ждут вождя из сумасшедших. Еще раз только подчеркнуту, что безумцы считают себя здоровыми, только со стороны можно их угадать.

Первым увидел в Ленине «прирожденного преступника», который не остановится ни перед чем и выполнит все затаенные желания массы, великий русский писатель Иван Бунин. Бунин говорил, что большевики убили чувствительность. Мы переживаем смерть одного, семи, – писал он, – допустим, труднее сопереживать смерти семидесяти, но когда убивается семьдесят тысяч, то человеческое восприятие перестает работать. Он писал: «Это Ленины задушили в России малейшее свободное дыхание, они увеличили число русских трупов в *сотни тысяч* раз, они превратили лужи крови в моря крови, а богатейшую в мире страну народа пусть темного, зыбкого, но все же великого, давшего на всех попрощах истинных гениев не меньше Англии, сделали голым погостом, юдолью смерти, слез, зубовного скрежета; это они затопили весь этот погост тысячами "подавляющих оппозицию" чрезвычайек, гаже, кровавее которых мир еще не знал институтов, это они [...] целых три года дробят черепа русской интеллигенции»⁶¹.

⁵⁷ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк VI (Большой смысл и малые смыслы. Коммунистическая идеология и современная литература. Эмигранты и большевики) // он же. Сочинения. М., 2000. С. 283.

⁵⁸ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // он же. Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 611.

⁵⁹ Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // там же. С. 386.

⁶⁰ Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк IX // там же. С. 347 (курсив Степуна).

⁶¹ Бунин Ив. Несколько слов английскому писателю // он же. Великий дурман. М., 1997. С. 69-70.

Самое интересное, что Бунин не выделяет особенно Ленина из этой череды разбойников, хитровцев и босяков, *он тот самый, кого и ждала эта масса*. Степун замечал: «Как прирожденный вождь он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом – догматом о тождестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня, кое-как, начерно, исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса. На этом внутреннем понимании зудящего "невтерпеж" и окончательного "сокрушай" русской революционной темы он и вырос в ту страшную фигуру, которая в свое время с такой силою надежд и проклятий приковала к себе глаза всего мира»⁶².

Замечу, что о жестокости Ленина поначалу (до создания советского мифа для детей о добром дедушке Ленине) говорили его соратники не только не стесняясь, но одобрительно. Скажем, Троцкий вспоминал о реакции Ленина на отмену смертной казни солдат-дезертиров: «- Вздор, – повторял он. – Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?»⁶³.

Рождался страшный мир, и рождался он страшно. Поэтому продолжу. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна «великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колени ходить в крови. Главное же надо лишить толпу "опиума религии", дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот "планетарный" скот другое – дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! Соратники его, так те прямо пишут: "Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!"»⁶⁴.

⁶² Степун Ф. Мысли о России. Очерк IX // он же. Сочинения. С. 342.

⁶³ Троцкий Л.Д. О Ленине // он же. К истории русской революции. М., 1990. С. 213.

⁶⁴ Бунин Ив. Миссия русской эмиграции // он же. Великий дурман. С. 132.

Поразительно, что безумным его называл поначалу лишь Плеханов в связи с так называемыми «апрельскими тезисами», текст которых он увидел как парафраз чеховской «Палаты №6». Действительно, перевод мировой войны в гражданскую, о которой мечтал и которую осуществил главный большевик, – это почти вампирическое упоение реками крови, которые должны пролиться. Сам Ленин, по воспоминаниям сестры, прочитав повесть Чехова, почувствовал себя запертым в этой палате, выскочил на улицу и бегал по улицам. Продолжая игру с той темой, можно вообразить вырвавшегося из палаты № 6 и всю Россию поместившего в эту палату, где сторож Никита жестоко избивал больных. Небольшая цитата с последней страницы: «Никита быстро отворил дверь, грубо, обеими руками и коленом отпихнул Андрея Ефимыча, потом размахнулся и ударил его кулаком по лицу. Андрею Ефимычу показалось, что громадная соленая волна накрыла его с головой ...; в самом деле, во рту было солоно: вероятно, из зубов пошла кровь. Он, точно желая выплыть, замахал руками и ухватился за чью-то кровать, и в это время почувствовал, что Никита два раза ударил его в спину. Громко вскрикнул Иван Дмитрич. Должно быть, и его били».

Как оценивал Ленина Морис Палеолог, «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать».

Судя по тому, что мне сообщают из его первых речей, он требует революционной диктатуры рабочих и крестьянских масс; он проповедует, что у пролетариата нет отечества, и от всей души желает поражения русской армии. Когда его химерам противопоставляют какое-нибудь возражение, взятое из действительности, у него на это есть великолепный ответ: "Тем хуже для действительности". Таким образом, напрасный труд хотеть ему доказать, что, если русская армия будет уничтожена, Россия окажется добычей в когтях немецкого победителя, который, вдоволь насытившись и поиздевавшись над ней, оставит ее в конвульсиях анархии. Субъект тем более опасен, что говорят, будто он целомудрен, умерен, аскет. В нем есть, – каким я его себе представляю, – черты Саванароллы, Марата, Бланки и Бакунина»⁶⁵.

Власть же, речь о Временном правительстве, продолжала разваливаться. Наблюдательный француз пишет: «Отставка Гучкова знаменует ни больше, ни меньше, как банкротство Временного Правительства и русского либерализма. В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина»⁶⁶. И Ленин пришел. И народ в нем увидел искомого буйного, который свое безумие укладывал в разумные слова, ибо смысл ленинских речей «заклучался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой».

⁶⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 431-432.

⁶⁶ Там же. С. 466.

Многочисленные враги Ленина чаще всего рисуют его начетчиком марксизма, схоластом, талмудистом, не замечая того, что, кроме марксистской схоластики, в Ленине было и много Бакунинской мистики разрушения. Быть может, Ленин был на Съезде единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. Не буди Ленин самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не полонила бы русской души с такою силою, как оно, что греха таить, все же случилось. [...] В июне 1917-го года мало кому было ясно, насколько легче революции входят в логику своего безумия, чем в разум своей истины»⁶⁷.

Просто безумие выступало под маской разума – с уверенностью безумия. Как не раз отмечалось в психиатрической литературе, безумцы считают себя вполне здоровыми. Более того, они вполне ориентированы на публику, к которой они обращаются, причем обращаются голосом повелителя. Но в чем сила безумия? Об этом жестко и точно сказал старый мудрец Лев Толстой, сам безумный в своей анархистской программе, но к концу жизни избавившийся от многих своих иллюзий, от своего сумасшествия. В своем дневнике от 27 июня 1910 году Лев Толстой записал: «Сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые, достигают своих целей. Происходит это оттого, что для них нет никаких нравственных преград, ни стыда, ни справедливости, ни даже страха». Я бы добавил, что самое ужасное, что они уверены в справедливости своих слов и действий, поэтому не имеют преград.

Скажем, Гитлер абсолютно был уверен в правоте своих идей, но при этом вполне учитывал психологию масс, когда писал в *Mein Kampf*, что психика широких масс совершенно невосприимчива к слабому и половинчатому, что масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Он был уверен, что масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой. Строго говоря, Ленин в своем отношении к массе мало отличался от немецкого лидера. Уже после победы Октябрьской революции он тоже попытался сформулировать эту проблему, уходя от марксистских догм, а именно проблему: масса – класс – партия – вождь, понимая в конечном счете, что речь идет о борьбе за новую реальность, за массу: «Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и постольку на первое место выдвигается пропаганда; даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии

⁶⁷ Степун. Бывшее и несбывшееся. С. 383-385.

масс, о размещении – если позволительно так выразиться – миллионных армий, о расстановке *всех* классовых сил данного общества *для последнего и решительного боя*, тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин "чистого" коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководивший еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов»⁶⁸. И жалеть единиц невыносимо при такой установке.

Если Христос обращался к каждому, говоря, что в доме Отца Его всем есть место для жизни вечной, то Ленин в принципе уничтожал шанс на жизнь у каждого, не жалея никого, особенно тех, кто хорошо ли, плохо ли проповедовал слово Христа. Перечислять все ленинские грубости, вроде того, что «боженька» – это «труположество», приказы о расстрелах священников не буду. Слишком много заняло бы это места. Но не могу не привести его секретное письмо Политбюро от 19 марта 1922 года, оно очень впечатляющее: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. [...] На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁶⁹.

И далее бывший юрист предлагает узаконить террор: «...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»⁷⁰. Впрочем, история хитра и мудра. Труположество все же случилось. Труп самого Ленина уложили в специально построенный мавзолей, где его труп наполнялся демоническими энергиями, окормляя ими народ и страну.

В заключение стоит вернуться к судьбе императора. Была дуэль Ленина и царя. Ленин царя убил. Но не по Чехову, дьякона, чтоб остановить стрелявших, не нашлось. «...Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

- Да, а где царь?

⁶⁸ Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // он же. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 79.

⁶⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190-193.

⁷⁰ Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.

- Конечно, – ответил он, – расстрелян.
- А семья где?
- И семья с ним.
- Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.
- Все! – ответил Свердлов, – а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

- А кто решал? – спросил я.
- Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях»⁷¹. И императора, и его семью убили по-бандитски, по-пугачевски, в подвале, словно в подворотне зарезали. Если же мы еще раз вспомним о семейной метафизической дуэли, то месть младшего брата семейству Романовых, особенно последнему, слабому и жалкому, была жестока и беспощадна.

Трудно удержаться, чтобы в заключение не сослаться на понимание природы революции Гоббсом, увидевшем ее наднациональный смысл: «В самом деле, если христиане не считают своего христианского суверена пророком Господним, то они должны или принимать собственные сны за пророчества, которыми они предполагают руководствоваться, а мечты своего сердца – за Дух Божий, либо позволять руководить собой какому-нибудь иностранному государю или некоторым из своих сограждан, которые, не предоставляя других чудес в подтверждение своего призвания, кроме иногда необычайного успеха и безнаказанности, могут клеветой на правительство вовлечь христианских подданных в мятеж, этим путем разрушить все законы божеские и человеческие и, опрокинув всякий порядок и правительство, ввергнуть общество в первоначальный хаос насилия и гражданской войны»⁷². Так и случилось в России, а далее потребовалось по меньшей мере столетие, чтобы выйти из хаоса безумия и вернуться в историю.

Ленин в «Государстве и революции», трактате, написанном перед Октябрем, повторил формулу Льва Толстого о необходимости тотального разрушения всех структур «старого мира». Это парафраз «Интернационала»: *Весь мир насилья мы разрушим. До основанья, а затем. Мы наш, мы новый мир построим... Кто был ничем, тот станет всем.* Были и сомневающиеся. Скажем, Бердяев в статье с вызывающим названием «Была ли в России революция?» писал: «Г. Ленин счел возможным заявить, что в конце февраля в России была революция буржуазная, свергнувшая царизм, а в конце октября произошла революция социалистическая, свергнувшая буржуазию, т.е. процесс, который у западных передовых народов совершается столетия, в отсталой России произошел в несколько месяцев»⁷³. Произошло восстание масс вопреки марксистской науке, а во главе восстания, как и предсказывал Лебон, встал безумный вождь.

⁷¹ Троцкий Л. Дневники и письма. М., 1994. С. 118.

⁷² Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 335-336.

⁷³ Бердяев Н. Духовные основы русской революции. М., 2006. С. 94.

Возможно, безумие и вправду есть факт проживания человечества в этом мире, более того, правит им, формирует линии силового поля, которое структурирует людские массы. Только, к сожалению, является оно чаще на историческую сцену в маске Разума.